

ZOJA KUŚA

Lublin

Религиозный дискурс на примере повести И. Пятницкой *Пима Солнечный*

Апостол Павел в своих посланиях говорит о том, что христианам надлежит облечься в “нового человека”, совлекшись “ветхого” с делами его (Еф. 4:24, Кол. 3:9). Проследившая все антропологическое учение Апостола язычников, стоящее в тесной связи со всем Священным Писанием, нужно констатировать, что здесь речь не идет о какой-либо аллегории, но о реальном видении новой преобразованной человеческой природы, со всеми вытекающими отсюда последствиями. По сути, вся христианская антропология сводится к констатации наступления новой антропологической эры, когда вся человеческая природа не столько вернется к состоянию, предшествующему грехопадению, сколько возвысится на совсем новую ступень развития. В футурологическом плане данной закономерности все еще предстоит осуществиться в перспективе будущего воскресения и нового времени (Ап. 21:1). Тем не менее, уже сегодня мы можем говорить о частичных характеристиках “новой твари”, отображаемых в христианах, успешно преобразующих свою природу. Речь идет, прежде всего, о переходе с “плотского человека, на “человека духовного”, от стяжания таких внутренних добродетелей как чувство всепоглощающей любви ко всему живому, терпение, милосердие, вера, смирение, внутренний покой. Все вышеперечисленное наблюдается в духовной прозе, исследуемой нами писательницы Ирины Пятницкой, в частности, в случае ее героев, стремящихся к построению своей духовной христианской жизни в современном атеистическом обществе.

Начиная с 60–70-х гг. прошлого века термин “дискурс” становится предметом научного интереса исследователей разных областей науки. Первоначально этот термин был связан исключительно с лингвистикой, однако за последние годы понимание “дискурса”,

его дефинирование намного углубилось и расширилось, привлекая тем самым внимание ученых из области семиотики, психолингвистики, антропологии, философии, литературоведения¹ и т. д. Именно по этой причине привести исчерпывающую и единственно правильную дефиницию “дискурса” не представляется возможным. Заметим, что раньше понятие “дискурс” включало лишь языковую практику, на сегодняшний же день значение “дискурса” перестало сводиться лишь к письменному и устному высказыванию, оно охватило “внеязыковые семиотические процессы”². В. Карасик в книге *Языковой круг – личность, концепты, дискурс*³ отмечает, что понятие “дискурс” выходит за рамки понятия “язык”. Такую постановку вопроса исследователь обосновывает тем, что для объяснения сущности этого понятия необходимо привлечь такие области знания, как аналитическая философия, лингвистическая антропология, культурология, социология, теория контекстуализации и др. П. Серио, представитель французской школы дискурса, в свою очередь, выделяет восемь значений термина “дискурс”: 1) это любое конкретное высказывание; 2) это единица, превосходящая своими размерами фразу; 3) это воздействие высказывания на адресата; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) это речевая актуализация единиц языка; 6) это социально и идеологически ограниченный тип высказываний, например, политический дискурс; 7) это теоретический конструкт, исследующий условия производства текста и, последний, это “речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию”⁴. Польская исследовательница Халина Гжмил-Тылютка (Halina Grzmil-Tylutka) дает следующее определение дискурса:

¹ Е. Л. Николаев, Е. С. Сулова, *Дискурс и психическое здоровье личности: современные взгляды*, “Вестник психиатрии и психологии Чувашии” 2010, № 6, с. 87.

² И. В. Богачевская, *Религиозный дискурс как объект философско-религиозной рефлексии*, “Вопросы духовной культуры. Философские науки”, (online), <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/15110/29-Bogachevskaia.pdf>, [доступ: 03.09.2016].

³ В. Карасик, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград 2002, с. 189.

⁴ Ibidem, с. 190. Если рассмотреть дефиниции “дискурса”, приведенные в толковых словарях, то, в основном, авторы указывают на два наиважнейших качества дискурса, а именно на то, что это способ использования языка в речевой деятельности человека, а также, что дискурс всегда ситуативен.

nierozzerwalna jedność dwóch, wzajemnie się warunkujących aspektów: językowego i społecznego, co wynika z jego charakteru instytucjonalnego⁵.

Польский языковед и исследователь дискурса Мария Войтак приходит к выводу, что:

dyskurs to zarazem wzorzec zdarzenia komunikacyjnego, jak i sposób jego realizacji”⁶. Ученая сравнивает дискурс с фонариком, используемым лингвистами для объяснения определенного познавательного пространства⁷.

Одно из наиболее полных описаний “дискурса” представил европейский исследователь Теун ван Дейк, который выделил три ключевых измерения дискурса: использование языка, передачу идей и интеракцию в социальных ситуациях. Ученый также описал основные свойства дискурса, указывая на его языковой, интеракционный, когнитивный и коммуникационный характер⁸.

М. Фуко и Ж. Деррида, представители французской школы, рассматривали дискурс как коммуникационный момент. Фуко определял “дискурс” как совокупность абстрактной структуры текстов, которые касаются/говорят об одной и той же теме. Дискурс здесь понимается как коммуникационная, метатекстуальная единица, большая, чем текст; это единица, имеющая письменное или устное выражение – диалог или монолог; единица, возникающая синхронно или последовательно. Это множество текстов, связанных между собой одной темой⁹.

Наталья Арутюнова определяет дискурс как “речь погруженную в жизнь”. См.: Н. Арутюнова, *Дискурс*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, ред. В. Ярцева, Москва 1990, с. 135.

⁵ Н. Grzmil-Tylutka, *Gatunek w świetle francuskiej teorii dyskursu*, Kraków 2007, s. 26.

⁶ М. Wojtak, *O relacjach dyskursu, stylu, gatunku i tekstu*, „Tekst i Dyskurs” 2011, nr 4, s. 71, (online), http://www.tekst-dyskurs.eu/images/pdf/zeszyt_4/Wojtak.pdf, [доступ: 06.09.2016].

⁷ Ibidem, с. 70.

⁸ Т. ван Дейк, *Исследования дискурса*, [в:] *Дискурс как структура и процесс*, ред. Т. ван Дейк, Варшава 2001, с. 10.

⁹ Цит. по: И. Варнке, Ю. Шпитцмюллер, *Многоуровневый лингвистический анализ дискурса – DIMEAN*, с/ 124. И. Варнке, *Прощай, текст – здравствуй, дискурс? О смысле и цели постструктуралистского понимания текста*, [в:] *Лингвистика текста в Германии. Понимания, проблемы, перспективы*.

Что же понимается под термином “религиозный дискурс”? Это регламентируемая определенными историческими и культурными традициями деятельность, направленная на формирование или же изменение уже установленного сакрального мироощущения и религиозного опыта¹⁰. С помощью религиозного дискурса представляется возможным исследование веры как индивидуального, так и массового сознания. Религиозный дискурс является одним из институциональных дискурсов, это мироощущение и миропонимание, которое определяет поведение человека, а также ряд действий, основанных на вере в существование высшей силы¹¹. Е. Бобырева утверждает, что религиозный дискурс – это коммуникативно-культурный феномен с определенной системой ценностей, реализуемый в виде некоторых жанров и выражаемый с помощью подходящих языковых и речевых средств. Религиозный дискурс, продолжает ученая, является “совокупностью речевых актов, которые используются в религиозной сфере”, в широком понимании – это “набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере”¹².

Антропология переводов, ред. З. Билют-Хомплевич, В. Чахур, М. Смыкала, Вроцлав 2009, с. 343-360; См. также: W. Heinemann, *Kontrowersje wokół analizy dyskursu*, тл. D. Kaczmarek, (online), <http://www.ur.edu.pl/wydzialy/filologicz-ny/tekst-dyskurs-komunikacja/tlumaczenia-artykulow>, [доступ: 08.09.2016]; см. также: W. Czachur, *Dyskursywny obraz świata. Kilka refleksji*, „Tekst i Dyskurs” 2011, nr 4, s. 79-97, (online), http://www.tekst-dyskurs.eu/images/pdf/zeszyt_4/Czachur.pdf, [доступ: 08.09.2016].

¹⁰ Е. Кожемякин, *Религиозный дискурс: методология исследования*, “Научные ведомости Белгородского государственного университета” 2011 (Серия: Философия. Социология. Право), № 2 (97), вып. 15, (Серия: Философия. Социология. Право), (online), <http://cyber leninka.ru/article/n/religioznym-diskurs-metodologiya-issledovaniya>, [доступ: 07.09.2016].

¹¹ Н. А. Боженкова, Д. В. Атанова, *Религиозный дискурс в структуре типов институционального общения (на материале православного вероучения)*, (online), http://www.курская-епархия.рф/znamenskie_chteniy/2013/pdf/swsu2/%D0%91%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%9D.%D0%90.,%20%D0%90%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%94.%D0%92.-%D1%81%D1%82.pdf, [доступ: 03.09.2016]; см. Е. Бобырева, *Религиозный дискурс: ценности и жанры*, [в:] *Проблемы философии, культурологии и искусствоведения*, “Знание. Понимание. Умение” 2008, № 1, с. 162.

¹² Е. Бобырева, *Религиозный дискурс: ценности и жанры...*, с. 162.

Карасик предлагает изучать данный дискурс исходя из следующих характеристик: “участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные тексты), языковые и речевые особенности”¹³. Данные компоненты религиозного дискурса, предложенные учеными, будут использованы нами в ходе анализа повести И. Пятницкой Пима Солнечный.

Спецификой религиозного дискурса являются то, что к числу его участников принадлежит Бог. В данном дискурсе Он всегда сопряжен с иной человеческой сущностью: собственно Бог и тот, кому он открылся (святые, пророки, мученики, страстотерпцы и т. д.). Очень важным элементом в религиозном дискурсе является форма личных местоимений, употребляемая для поддержки отношений Бог – адресат. Вежливая форма обращения “вы” здесь не имеет места, она заменяется обращением только на “ты” к индивидуальному адресату и “вы” ко множественному адресату¹⁴.

Хронотопом религиозного дискурса является храм, церковь, часовня, монастырь, которые часто отождествляются с крепостью, местом защиты человека. Интересно, что рамки религиозного дискурса намного шире, так как они выходят за пределы храма. Сводя данный дискурс только к стенам храма, мы сужаем сущность данного дискурса. Отсюда Бобырева абсолютно правильно предлагает несколько подвидов религиозного дискурса в зависимости от ситуации и особенностей взаимоотношений коммуникантов: 1) общение в храме, отличающееся некой долей клишированности, ритуальностью и театральностью; 2) общение в малых религиозных группах вне храма; 3) общение человека с Богом, например, в обособленной молитве, когда человек не нуждается в посредниках для общения с Творцом¹⁵. Повторим еще раз, именно из-за того, что в религиозном дискурсе ключевым моментом является коммуникативный аспект, данный дискурс выходит за пределы церкви. Это и дом молитвы, храм, христианская конфессия, религиозная организация со своей системой взаимоотношений верующих с духовенством, установленными догматами и обрядностью.

¹³ В. Карасик, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс...*, с. 221.

¹⁴ Ibidem, с. 221.

¹⁵ Е. Бобырева, *Религиозный дискурс...*, с. 162.

В религиозном дискурсе временная организация текста также играет немаловажную роль. Время религиозного дискурса фиксируется жанровой спецификой общения, например, проповедь совершается в отдельные часы службы, совершение литургии в дообеднее время, привязка богослужений к суточному часовому кругу: девятый час, вечерняя, повечерие, утренняя, первый час, третий час, шестой час, Божественная литургия и т. д.

Молитва – особый тип религиозного общения, религиозного дискурса человека, своего рода обращение к Богу, поэтому независимо от того, где происходит молитва – в храме или вне его – локус молитвы: внутренний мир человека, его душа. В свою очередь, внутренняя логика религиозного дискурса определяется концептом веры¹⁶.

Ключевую роль вербального и невербального компонентов религиозного дискурса играет ритуал. Как мы уже упоминали, базой любого дискурса является речевая деятельность, однако в религиозном дискурсе есть жанр, который предусматривает отсутствие речи – “безмолвная внутренняя молитва”¹⁷. Часто в ритуалах вербальный компонент уходит на второй план, уступая место невербальному – обрядовым действиям. Ритуальность Кожемякин называет специфической чертой религиозного дискурса, объясняя ее с двух точек зрения – коммуникативистской и социологической. Первая направлена на передачу религиозного знания. В свою очередь, с социологической точки зрения религиозный дискурс направлен “на воспроизводство института, что происходит в соответствии с канонами, закрепленными не только в сакральных текстах, но и в ритуальных практиках”¹⁸.

Цель и ценностные установки религиозного дискурса сводятся к признанию Божьего бытия, к осведомленности в греховности мира, к стремлению к добродетели и т. д. Если в других типах институционального общения ценности могут быть скрытыми и подразумеваемыми, то в данном требуется открытое их утверждение – признание Бога единым, невидимым, всемогущим. Формирование ценностного мира в религиозном дискурсе начинается на уровне ценностного идеала или ценностного представления о ком-то или

¹⁶ В. Карасик, *Языковой круг: личность...*, с. 223.

¹⁷ Е. Бобырева, *Религиозный дискурс...*, с. 162-163.

¹⁸ Е. Кожемякин, *Религиозный дискурс...*, (online).

о чем-то, являющиеся своего рода ориентирами на пути развития личности. Ключевой целью религиозного дискурса является приобщение человека к Богу. За этой целью выстраивается ряд других: получить поддержку, очистить душу¹⁹.

Лексико-грамматические особенности, стилистические средства и речевые акты – это те языковые средства, которые служат для адекватного выражения системы референций. Языковой параметр, отмечает Кожемякин, “выражает ту или иную степень “приблизительности” высказывания и его соответствия содержанию мистического опыта”²⁰. “Невыразимость” религиозных переживаний стала доступной благодаря языковым средствам религиозного дискурса, т.е. экспрессивно-возвышенной лексике, положительным и отрицательным экспрессивам²¹, метафорам, символам, аллегориям, образам. Языковой пласт религиозного дискурса сложен постольку, поскольку с помощью семиотических средств трудно адекватно передать содержание мистического опыта. Часто этих средств просто не хватает и, как мы уже отметили, тогда появляется проблема “приблизительности” и “невыразительности” передачи религиозного опыта²². Однако имеющиеся языковые средства позволяют обратиться к интуиции и эмоциям адресата, обеспечивая таким образом интуитивное понимание. Догматический аспект религиозного дискурса обеспечивается за счет использования таких языковых стратегий, как употребление устаревшей лексики, специфичной терминологии из старославянского языка, цитирование сакральных текстов²³. В данном дискурсе широко используется метафорика из текстов Священного Писания и святоотеческих текстов²⁴. Говоря о заимствованиях из Священного Писания необходимо обратить внимание на прецедентность как показатель ценностной значимости, без упоминания об этом рассмотрение данного дискурса было бы неполным. Итак, Бобырева выделяет внутреннюю и внешнюю прецедентность религиозного дискурса, под внутренней

¹⁹ См.: Е. Бобырева, *Религиозный дискурс...*, с. 162.

²⁰ Е. Кожемякин, *Религиозный дискурс: методология исследования...*, (online).

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

²³ Ibidem.

²⁴ О. Н. Кондратьева, *Метафорика религиозного дискурса*, (online), <http://www.lib.csu.ru/vch/365/016.pdf>, [доступ: 03.09.2016].

понимая воспроизводимость фрагментов Священного Писания в процессе построения вторичных жанров религиозного дискурса, например, проповедь. Под внешней прецедентностью ученая подразумевает прецедентные имена, высказывания и ситуации. К ряду прецедентных имен можно отнести нарицательные “ангел”, “богиня” и собственные “Бог”, “Илья”, “Моисей”, “Магдалина”²⁵. Не последнюю роль в религиозном дискурсе играют прецедентные высказывания: “внести свою лепту”, “дар божий”, “камень преткновения”, “хлеб насущный”. Некоторые из них употребляются без изменений, некоторые проходят трансформацию²⁶.

Религиозный дискурс устанавливает, сохраняет и воспроизводит основные каноны религии и веры с помощью когнитивно-языковых средств²⁷. Одной из главных черт религиозного дискурса является передача религиозного опыта. Базой для такого дискурса являются не только церковные каноны и догматы, но также ритуальная практика. Религиозная недосказанность объясняется и дополняется ритуальными формами передачи религиозного знания. Предметом религиозного дискурса является сакральность во всех ее проявлениях и формах. Предметную область религиозного дискурса составляют такие вечные категории, как “Бог”, “вера”, “спасение”, “истина”.

Перейдем к анализу религиозного дискурса в произведении *Пима Солнечный* Ирины Пятницкой, малоизвестной писательницы в современной русской литературе, творчество которой сконцентрировано, прежде всего, на духовных ценностях. Нравственные позиции ее героев не всегда соответствуют высокому духовному уровню, однако практически все они в свое время проходят метаморфоз, с которым связан процесс поиска и удовлетворения духовных потребностей. Духовное становление героев является архетипным мотивом в произведениях писательницы. Как фон для героев с христианским мировоззрением, Пятницкая создает “духовно слепых” героев. Ирина Пятницкая – автор нескольких повестей – *Пима*

²⁵ Е. Бобырева, *Религиозный дискурс...*, с. 165-166.

²⁶ *Ibidem*, с. 166. Упомянем хотя бы о зооморфных и милитарных метафорах родства, таких как “овца блуждающая, козёл отпущения, волк в овечьей шкуре, лев рыкающий, порождение ехидины, т. е змеи, стать против козней дьявольских, вражеское нашествие, обратитесь в оружие света, которые обогащают языковой пласт религиозного дискурса.

²⁷ *Ibidem*.

Солнечный, *Кисельные берега*, *Маринкино зеркальце* и сборника рассказов *В круге ближних*. Все эти книги можно отнести к жанру духовной прозы. Во всех произведениях писательница представляет сложные жизненные обстоятельства, которые способствуют внутреннему преображению героев²⁸. Главная идея повести – период мировоззренческой перемены и религиозного прозрения главного героя, детдомовца Стаса. Религиозный дискурс отмечен в повести посредством участников, временно-пространственной организации событий, поставленных целей и применяемых стратегий, меняющейся шкалы ценностей, а также использования прецедентных текстов и языковых особенностей.

Добавим, что проза писательницы имеет ретроспективный характер. В повести *Пима Солнечный* повествование ведется на основании воспоминаний. Данной линии характерны постоянные обращения к прошлому, причем с помощью временной дистанции происходит акт самопознания героев. Ретроспективное воззрение на прожитые годы позволяет героям сделать правильные выводы, трезво оценить свои ошибки.

В религиозном дискурсе можно говорить о двух группах коммуникантов: агентах и клиентах. Первая группа – это представители церковного “института”, вторая – прихожане²⁹. Для анализа повести Пятницкой воспользуемся классификацией и терминологией, предложенной Карасиком. Итак, в данном произведении участниками религиозного дискурса становятся главный герой, воспитатель детского дома и священник. Несмотря на то, что агентами, т. е. посредниками между Богом и человеком, в основном, являются священники, в *Пиме Солнечном* эту роль смеем приписать Лидии, воспитательнице детского дома. В приобщении детдомовца к вере именно она сыграла ключевую роль. Лидия стала не только Ангелом Хранителем героя, но и помогла ему увидеть тайны души человека, раскрыть самого себя и заглянуть вглубь своей души. Воспитательница открыла для него совсем новый мир – жизнь с Богом. Неслучайным кажется имя Лидия, от которого Стас при первой же встрече образовал ласкательную форму “Ли-душа”, причем очень четко

²⁸ Больше о писательнице см.: Z. Kusa, *Мотив Путей Господних на примере повести Ирины Пятницкой „Пима Солнечный”*, „Roczniki Humanistyczne TN KUL” 2015, t. LXIII, z. 7, с. 83-96 (Seria: Słowianoznawstwo, red. A. Woźniak).

²⁹ В. Карасик, *Языковой круг...*, с. 221.

разделяя имя на части, что в результате дало слово “душа”, имеющее два значения: “душа” и “бабочка”³⁰. Появление Лидуши в детском доме кардинально изменило ментальную и поведенческую сторону жизни Стаса. Появились ошеломляющие его сознание рассказы о неизвестном ему Боге, о его распятии, беседы о церкви, утренние и вечерние молитвы, церковь и первый осознанный контакт с *sacrum*, затем Таинство Крещения, нательный крестик, рождение неопишемого желания быть частью этого необъяснимого и неопишемого сакрального мира, и как результат – монашество.

Роль священника, т.е. “полноценного религиозного агента”, играет второстепенную роль хотя бы по той причине, что священник духовно занялся героем уже приобщенным к церковному, и открывшем Бога благодаря Лидии. Два агента – Лилия и священник – становятся крестными родителями Стаса во время таинства Крещения. Пережитая мальчиком нуменозность и соприкосновение с Божественной любовью, оставили в душе ребенка неизгладимый след. Коммуниканты данного Таинства также меняют свой статус: Стас становится воцерковленной личностью, Лидия приобретает статус крестной матери, в сознании мальчика происходит восполнение дефицита любви и присутствия родной матери. Далее, Таинство Крещения транспонируется на взаимоотношения с “другой” матерью, соединяя этих двух коммуникантов тесными узами на всю жизнь. Мало того, мечта мальчика – любой ценой быть с родной матерью, защитить ее, реализовались на Лидуше, которую он спас от неминуемой смерти: “Слава Богу! Успел, не опоздал!..” – говорил он, когда озверевшие детдомовцы во главе с Сергеем Черепановым, антигероем повести, избивали женщину³¹. Став монахом, иеродиакон Стахий пишет своей крестной матери: “Мама, приезжай с детьми ранним поездом, ни о чем не беспокойся, я вас встречу у разъезда. Буду ждать, очень соскучился”³².

Нательный крест, полученный во время крещения от батюшки – его крестного отца, становится защитой не только от мира невидимого, но и видимого. “Стас постоянно нащупывал крестик на груди,

³⁰ Мифы народов мира. Энциклопедия, гл. ред. С. А. Токарев, т. 2, Москва 1982, с. 344-345..

³¹ И. Пятницкая, Пима Солнечный, Москва 2013, с. 74.

³² Ibidem, с. 76.

боясь его потерять”³³. Добавим, что семиотическая сторона религиозного дискурса насыщена знаками-символами, олицетворяющими некий образ, отношение или событие³⁴. В повести символ креста представлен как в визуальном, так и вербальном плане. Крест приобретает разнообразные коннотации, в основном с учетом христианского символа креста. Крест Стаса можно рассматривать как благословение, как защиту от демонов, как олицетворение нелегкой судьбы, как принадлежность к вере и, наконец, как освобождение от греховного бремени. Нательный крест, так трепетно хранимый Стасом, используется им также в спонтанных реакциях на событие. Замечательные слова Маркуши, героя из романа Бориса Зайцева *Золотой узор* применимы и в случае жизненных ситуаций Стаса: “Крест объединяет людей и отделяет от них зверей”³⁵. Нательный крестик принес Стасу также страдания. Один из детдомовцев, тот же властный и опасный антигерой Серега Черепанов, при виде нательного креста у Пимы, решил его лишить данного предмета. “Пима схватился за крест и, сильно прижимая, до боли вдавливая его в грудь, просил помощи у Бога”³⁶. Стас воспринимал крест как защиту от агрессивного мира, который его окружал. Вербальные унижения со стороны детдомовцев, касающиеся духовной жизни Пимы, герой принимал со смирением и без обиды, хотя и не оставлял издевательств без комментария.

Да ты никак испугался? Крестиком прикройся! Или не поможет? Давай мы его лучше пропьем, говорят он из чистого золота у тебя? – продолжал издеваться Черепанов.

– Он дороже любого золота, дурак! – ответил Пима (доп. КЗ). Тебе этого не понять, мозгов нет, пропил все, в голове одно дерьмо осталось! – кипятился Стас³⁷.

Не только нательный крест не позволял ему вести себя как другие детдомовцы, но очень сильно развитое в нем чувство совести. И каждый раз, когда его посещали мысли о том, чтобы перешагнуть

³³ Ibidem, с. 40.

³⁴ См.: Е. Бобырева, *Религиозный дискурс: ценности и жанры...*, с. 166.

³⁵ Б. Зайцев, *Золотой узор*, [в:] Б. Зайцев, *Звезда над Булонью*, Москва 1999, с. 167.

³⁶ И. Пятницкая, *Пима Солнечный...*, с. 63.

³⁷ Ibidem, с. 68.

этот непреодолимый барьер, стать хамом, как другие детдомовцы, Стас хватался за крест и молитвенно просил помощи у Бога. Повесть *Пима Солнечный* – это повесть о совести, о Божественном промысле. Неслучайно повесть наполнена назидательными отступлениями о “спящей совести”, о способах ее пробуждения.

Как мы уже раньше упоминали, хронотопом религиозного дискурса является храм, церковь, часовня, монастырь. Добавим, что данный тип дискурса выходит за рамки этого пространства в зависимости от подвида дискурса. Коммуникантами во всех подвидах являются воцерковленная личность и Бог. О первом говорим, когда происходит общение в храме. В случае героя повести такое поведение наблюдается повседневно. После Крещения Стас регулярно ходил в храм, где проводил целые вечера, сидя в углу и внимательно вслушивался в звуковое пространство окружения. Второй, когда имеет место общение в малых религиозных группах вне храма. Данный подвид также применим к героям повести Пятницкой. Молитвы в детдоме, сначала произносились Лидией, затем самим Стасом.

Ласково погладив каждого по головке, она медленно, вполголоса начинала читать утренние молитвы. По чуть заметному изменению лиц и дыханию она чувствовала, что дети уже не спят, проснулись и вслушиваются в ее тихие слова”, и еще: “Стоило Лидии только начать тихонько петь “Богородице Дево, радуйся”, как дети, затаив дыхание, начинали внимательно вслушиваться, иногда даже всхлипывая, пряча лицо в подушку³⁸.

И последний подтип религиозного дискурса – общение человека с Богом, например, в обособленной молитве, когда человек не нуждается в посредниках. В углу сарая, где Стас занимался животными, он отгородил себе маленький уголок, в котором хранились его сокровища – икона Спасителя, Богородицы и Татьяны, а также выцветшая фотография матери. В этом уголке он возносил свои молитвы за друзей и Лидушу.

Цель и ценностные установки сводятся здесь к признанию Бога, осознанности греха и тем самым к желанию перемены. Ценностная картина религиозного дискурса представляет собой вереницу оппозиций: жизнь – смерть, добро – зло, земное – божественное,

³⁸ Ibidem, с. 22-23.

ад – рай и т.д. Кроме выше приведенных оппозиций в анализируемой повести можно отметить, такие как: правда – ложь, открытость – замкнутость, любовь – ненависть, прощение – месть. Цель религиозного дискурса, ценностная картина и применяемые стратегии взаимосвязаны и взаимодополняемы, представляя собой неразрывную цепь. Еще раз повторимся, что в данной повести главной целью является приобщение детдомовцев к Богу, которую воспитательница реализует путем воспитательных и духовно-познавательных стратегий. Нужно упомянуть о жизненной цели Лидии: трудиться “не ради денег или славы, а именно ради Бога, ради ближних. Для спасения души. Чтобы работа была службой Христу”³⁹. Самоотдача Лидии в работе, желание разбудить в детях заинтересованность в Боге, трепет перед сакральным, страх воспитательницы не напугать детдомовцев доселе неизвестным, новым и тяжело объяснимым существованием Бога, навязывали ей подбор стратегий, подсказанных сердцем и духовными глазами. Рассказы о библейских героях, о подвигах святых, чтение и пение молитв, экскурсия в церковь, проявление любви и понимания к детям, собственный пример принесли ощутимый результат. При общении с детьми наблюдается целенаправленное нагромождение лексем со значением звукового восприятия “медленно”, “вполголоса”, “тихо”, определяющих выбранную стратегию воспитателя, а также его эмоционально-психологическое настроение. Далее лексемы “ласково”, “чувствительно”, “внимательно”, “осторожно” показывают умиротворенность героини, которая считала, что “только через веру возможно найти путь к спасению покалеченной детской души”⁴⁰. В повести используется несколько стратегий: призывающая, молитвенная, обрядовая и исповедальная.

В повести *Пима Солнечный* с религиозным дискурсом тесно связан педагогический дискурс, поскольку через воспитателя происходит передача определенных норм поведения и основ морали, а также наблюдается воцерковление героя. Эти дискурсы сходны также с окончательной целью – воспитание личности. Самым существенным отличием этих дискурсов является отсутствие прагматизма в религиозном дискурсе, поскольку он основывается на вере

³⁹ Ibidem, с. 9.

⁴⁰ Ibidem, с. 25.

в чудо и единение с Богом, в то время как педагогический зиждется на рациональности⁴¹. Вообще педагогическая функция в религиозном дискурсе играет ключевую роль, поскольку заключается “в целенаправленном воздействии на индивида”⁴². Роль Лидии не сводится только к раскрытию духовных глаз детдомовцев, но также предполагает исправление искаженного представления о Боге, церкви и праздниках. К примеру, на вопрос о том, что такое церковь, дети ответили: “это странный красивый дом, куда бабушки ходят, нам туда не надо”⁴³, или же: “это место, где хранится большая военная тайна. Ведь не зря купола церквей похожи на шлемы воинов”⁴⁴. Или же на вопрос: “Кто же родился 7 января”⁴⁵, дети отвечали – Санта Клаус, Дед Мороз и его Снегурочка, древний зимний царь и т. д.

Языковая сторона религиозного дискурса в повести *Пима Солнечный* реализуется за счет экспрессивно-возвышенной лексики: “Боже мой!”, “Пима, мальчик мой солнечный, доброе утро, Господь с тобою!”⁴⁶, “Воистину воскрес!”⁴⁷, “До Бога ли здесь? Именно – до Бога! До источника любви!”⁴⁸; аллегорий: “Выбор Каина и Авеля. Один в своем сердце сказал: “Убью!”. А другой в своем сердце ответил: “Люблю!”⁴⁹; цитат из Библии: “Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, неблагонадежен для Царствия Божия (Лк. 9, 62)”⁵⁰, “Прости [детей]. Они не ведают, что творят”⁵¹, а также цитирования святоотеческой литературы, например, слов старца Амвросия: “Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви”⁵², и притчи монаха Варнавы (Евгения Санина):

⁴¹ Н. А. Боженкова, Д. В. Атанова, *Религиозный дискурс...*, (online).

⁴² О. Н. Кондратьева, *Метафорика религиозного дискурса...*, (online).

⁴³ И. Пятницкая, *Пима Солнечный...*, с. 25.

⁴⁴ Ibidem, с. 31.

⁴⁵ Ibidem, с. 31.

⁴⁶ Ibidem, с. 23.

⁴⁷ Ibidem, с. 36.

⁴⁸ Ibidem, с. 25.

⁴⁹ Ibidem, с. 73.

⁵⁰ Ibidem, с. 13.

⁵¹ Ibidem, с. 55.

⁵² Ibidem, с. 20.

“Жизнь – это мост над бездонной пропастью, с которой так и норовят столкнуть людей темные силы”⁵³.

Подводя итоги наших кратких рассуждений на тему религиозного дискурса в творчестве И. Пятницкой, необходимо констатировать многогранность рассматриваемой тематики, а также факт, что определение, исчерпывающее дефиниции дискурса не представляется возможным. В то же время, религиозный дискурс как один из видов широко понимаемой тематики, возможно определить на основе соответствующий характеристик, очерчивающих исторические, культурные и сакральные границы религиозного опыта, охватывающего антропологическую составляющую *будущего человека*. Приведенные нами умозаключения, позволяют нам прийти к выводу, что проза И. Пятницкой полностью вписывается в научные рамки проблемы.

SUMMARY

Religious discourse exemplified by Irina Piatnickoy's Sunny Pima

The religious discourse is an eminently popular word in modern humanities. That ambiguous term is related to the text. This communicative opportunity aims to express something meaningful, in other words – it is language in use. In this article the definitions of the discourse, suggested by the representants of French, German, Polish and Russian school, will be quoted. For instance, Halina Grzymil-Tylutka defines “discourse” as an inextricable unity of two mutually qualifying dimensions: linguistic and social. Maria Wojtak believes that “discourse” is both an example of the communicative opportunity and the method of its realization. On the other hand, Russian researcher I. Bogatchevskaya claims that formerly the term “discourse” was exclusively associated with the linguistic practice. However, nowadays this term does not only come down to a speaking practice or written statements, it also includes a non-linguistic semiotic process. Therefore, the religious discourse in Irina Piatnickoy's novel will be presented in a following way: the heroes-participants of the given discourse, the organization of the discourse in time and space, the aims and values of religious discourse, strategies to achieve the aims and linguistic means.

KEYWORDS: discourse, language, religious discourse, participants of discourse, values, aims-strategies, linguistic means

⁵³ Ibidem, с. 60.